

УДК 316.444.52:304.3 + 316.455:622.012(470.5) + 316.344.42 **О. К. Ермакова**

**ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ
В СОСТАВЕ УРАЛЬСКОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ:
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ
(первая половина XIX в.)***

На основе контрактов с иностранными специалистами, судебной-следственной документации и делопроизводственных материалов рассматривается проблема адаптации западноевропейцев к жизни в российской провинции и их интеграции в социокультурное пространство Урала. Выявлены признаки принадлежности иностранных специалистов к уральской технической элите. Показан сложный характер взаимоотношений западноевропейцев с местным населением, основные формы взаимодействия, причины конфликтов и свидетельства стремления иностранных диаспор к обособленности.

Ключевые слова: западноевропейские специалисты; иностранцы; социокультурная адаптация; техническая элита; Урал.

В первой половине XIX в. наблюдался приток западноевропейских специалистов на уральские заводы (более 300 человек). Активная политика по привлечению иностранцев объяснялась, во-первых, международной ситуацией начала столетия, военной угрозой и необходимостью перевооружения русской армии, для чего требовалось создание оружейных предприятий по европейским образцам. Во-вторых, приглашенные специалисты занимались введением на уральских предприятиях новейших западных технологий в области машиностроения и металлургии. Для решения этих задач из Европы были выписаны

---

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта правительства Российской Федерации по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных Академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. Соглашение 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет).

немецкие и бельгийские оружейники, британские и французские инженеры, механики, мастера кузнечного дела, формовщики, молотари, «художники»¹. Сообщество иностранцев на Урале представляло собой совершенно особую социальную группу, состоящую из квалифицированных европейских технических кадров.

В современной историографии высок интерес к разнообразным проявлениям российско-европейского взаимодействия, в том числе исследуется европейское влияние на становление и развитие Урала как крупнейшего горнопромышленного комплекса [см., например: Алексеева; Бондаренко; Устьянцев; Диффузия технологий...; Немцы на Урале...; Россия и Западная Европа...]. Однако иностранцы рассматриваются главным образом с точки зрения результатов их профессиональной деятельности и вклада в технико-экономическое развитие региона; изучаются также отдельные персоналии. Представляется перспективным с позиций антропологически ориентированной истории рассмотреть такие мало изученные вопросы, как механизмы адаптации иностранцев к реалиям русской провинциальной жизни, проблемы их взаимоотношений с местным населением, их интеграция в новую социокультурную среду, структура локального сообщества, техническая элита.

На формирование адаптационных механизмов иностранцев оказывали влияние разнообразные факторы: образ жизни, материальное положение, условия службы, правовой и социальный статус иностранца, круг общения, наличие представлений и предубеждений относительно жизни в России, отношения с местным населением. Так, например, высокое жалованье, предоставление казенных квартир и прислуги иностранным специалистам обеспечивали им хороший уровень жизни и достойное материальное положение, что создавало благоприятные условия для адаптации западноевропейцев. Заводское начальство стремилось оказать иностранцам всяческое содействие в том, чтобы облегчить их пребывание в России, помочь преодолеть трудности привыкания, проблемы взаимопонимания между иностранцами и русскими. Западноевропейским мастерам назначали переводчиков из числа иностранцев, знавших русский язык. Кроме того, вновь приезжающим европейцам оказывали поддержку их соотечественники, уже обосновавшиеся на Урале, хорошо знакомые с местными обычаями, правилами и особенностями отдельных заводов. Так, например, механику Уральского горного правления П. Тету начальство предписало оказывать помощь приехавшим в 1847 г. корабельным мастерам, в частности В. Ли и Р. Жаксону, которые на Екатеринбургской механической фабрике занимались постройкой паровых машин. Кроме того, что Петр Тет должен был помогать англичанам в составлении планов и чертежей и сопровождать сам процесс строительства паровых машин, в предписании говорилось, что «выписанные англичане, не зная ни русского языка, ни местных обстоятельств, ни порядка

---

¹ «Художниками» в данном случае называли архитекторов, а также изобретателей. Они занимались проектированием помещений, устройств и приспособлений, необходимых для того, чтобы адаптировать оснащение уральских заводов для использования новых технологий [см.: ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1347; ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 5139].

сношений, должны и ныне прибегать к советам Тета и пользоваться его указаниями» [ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 5592, л. 36 об.]. В случаях, когда европейские мастера приезжали на Урал большими группами, процесс адаптации упрощался: у иностранцев была возможность общаться внутри своего сообщества, не теряя связи с соотечественниками и тем самым быстрее привыкать к жизни в России.

Иностранцы, приезжавшие на Урал, безусловно обладали некими представлениями о России и русских. Из отрывочной, косвенной информации, содержащейся в источниках делопроизводственного характера, очевидно, что иностранцы с опаской относились к далекой России, а Сибирь ассоциировалась у них с диким краем. Александр Эверсман, занимавшийся наймом оружейных мастеров в Германии, в одном из своих отчетов Департаменту горных и соляных дел писал: «изобразив все сии истины (о выгодах службы в России. — *Е. О.*) со всевозможным красноречием и облегчив влияние оных водкою, никак не можно успеть, ибо воображение о земле отдаленной на столько сот часов езды уничтожает все, что им сказано; а Сибири не смей и назвать...» [РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 64, л. 114 об.]. Соответствующее представление складывалось у иностранцев и по отношению к местному населению. Приехав на Урал, европейцы позиционировали себя как людей высококультурных и образованных, своих русских сослуживцев и учеников они считали людьми второго сорта, дикарями. Из донесений А. Эверсмана также следует, что немцы опасались переезда в Россию, т. к. имели сведения о том, что «многие туда же перебравшиеся сделались несчастными, не найдя того, чего ожидали, и что многие потерпели даже истинную несправедливость» [РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 64, л. 146]. Однако опыт первых немецких оружейников, переехавших на Урал, впоследствии подтолкнул их соотечественников отправиться в Россию без специального приглашения российского правительства.

Иностранные специалисты, служившие на уральских заводах, входили в состав технической элиты местного социума. Признаками их принадлежности к данному социальному слою можно считать следующие обстоятельства. Во-первых, значимость профессиональной квалификации европейцев, которая в большинстве случаев позволяла им выступать новаторами в разных отраслях промышленного производства на уральских заводах. Так, ключевую роль в организации двух новых оружейных предприятий (Ижевского оружейного завода и Златоустовской оружейной фабрики) и обеспечении их штатом высококвалифицированных кадров сыграли немецкий фабрикант из Данцига Давид Гильгер и прусский горный советник, бывший директор фабрик графства Маркского в Вестфалии Александр Эверсман. В число привлеченных ими европейцев вошли бывшие владельцы собственных оружейных мастерских (Вейерсберги), а также специалисты по всем процедурам производственного цикла при изготовлении оружия (семейства Вольферцов, Ибахов, Гра, Гальбахов, Бейне, Боде и др.). Благодаря квалифицированным британским и французским специалистам на уральских заводах строились паровые машины (Дж. Меджер, Ф. Иберфельд), было положено начало судостроению (Дж. Карр, В. Ли, Р. Жаксон, И. Женингс), применению контаузского способа выделки сварочного

железа (брatья Грандмонтань), использованию пудлингования (Б. Аллендер, С. Пенн, Дж. Пенн). Иностранные специалисты обучали новым технологиям русских мастеровых, адаптировали европейские разработки к условиям конкретных уральских заводов, чтобы впоследствии этот опыт распространить на другие казенные и частные предприятия.

Во-вторых, уровень доходов западноевропейских специалистов соответствовал заработным платам русских горных администраторов, а пенсии иностранцам назначались наравне с пенсиями классным горным чиновникам. Данные контрактов, штатов, ведомостей о выдаче жалованья и формулярных списков иностранцев свидетельствуют, что их материальный достаток складывался из окладного жалованья и дополнительных денежных выплат, что вкyпе выражалось в суммах весьма внушительных — до 9 тыс. рублей серебром. Средний размер жалованья составлял 1,5—2 тыс. рублей ассигнациями [см.: ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 161, 227, 4637, 4735, 5592; РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 146]. Пенсии, которыми по выслуге лет обеспечивались иностранцы, позволяли им сохранять такой же высокий уровень материального благополучия, какой они имели во время службы на заводах [см.: РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 231, л. 6—8, 36—41].

Привилегированному положению и высокой материальной обеспеченности западноевропейских специалистов способствовал и статус иностранных подданных. Суть привилегированного статуса немцев Златоуста отражена в высказывании императора Александра I во время его визита на Златоустовскую оружейную фабрику в 1824 г. Приказав содержать иностранцев наилучшим образом, государь заявил: «Для России, государства столь обширного и богатого, ничего не стоит хорошо содержать двести семейств [иностранцев]»; он также отметил, что России не стыдно было бы содержать эти семьи иностранцев, даже если бы они и не приносили никакой пользы [цит. по: Бурмакин, с. 251].

В-третьих, европейские мастера неоднократно получали награды от императора и российского правительства. Например, Иоганн Генрих Бейне, уроженец Ганновера, работавший на Ижевском заводе, в 1832 г. по представлению начальства в знак отличной службы был награжден золотыми нашивками на мундир, а в 1839 г. — единовременной денежной выплатой в 500 рублей. В 1842 г. «за долговременную, усердную и ревностную службу и труды, понесенные по обучению рекрут, поступивших мастеровыми в Ижевский завод, оружейному мастерству и за доведение их до совершенства в искусстве отделки оружия» ему был пожалован орден Св. Станислава III степени [ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 812, л. 217]. Неоднократно удостаивались золотых и серебряных медалей, а также денежных вознаграждений иностранные оружейники Златоустовской фабрики (среди них семейства Вейерсберг, Вольферц, Гра, Ибах, Шмитц, Кунигунд, Гельмих, Оберкотте и др.). В марте 1817 г. орденом Св. Анны II степени был награжден А. Эверсман [см.: Куликовских, с. 45, 221, 226].

В-четвертых, существовали примеры включения принявших подданство иностранных специалистов в число дворян Российской империи. В 1840-е гг. к числу дворян Казанской губернии были причислены приехавшие в начале XIX в. на Урал представители немецкого рода Николаи, а также Иоганн Генрих Бейне и его дети.

Сами иностранные специалисты также требовали к себе почтительного отношения и особого уважения, что следует не только из описанных в источниках конкретных событий, но и зафиксировано в контрактах. Например, англичанин Самуил Пенн после текста контракта собственноручно подписал: «Я подписываю сей контракт с тем условием, чтобы мне оказываемо было то же уважение, каковое оказывается господам чиновникам и прочим лицам, состоящим на службе» [ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 4263, л. 5 об.], а корабельный архитектор Джеймс Карр, озвучив условия своей службы на Урале, упомянул, что должен пользоваться почетом, соответствующим чину полковника [см.: Там же, д. 5592, л. 2]. Британцы, таким образом, позиционировали себя в статусе технической интеллигенции. В то же время представляется, что, ставя подобные условия, иностранцы стремились оградить себя от возможных проявлений неприязни или грубости со стороны русских. Взаимоотношения приезжих специалистов с местным населением, уральскими мастерами, а иногда и с представителями заводского начальства порой действительно складывались непросто.

Основной формой взаимодействия западноевропейских специалистов с местным населением являлось обучение. За каждым иностранным мастером закреплялись один или несколько русских учеников. Как правило, результат совместной работы иностранцев и русских был положительным, постоянно пополнялось число русских учеников, овладевших мастерством и способных работать самостоятельно. Однако процесс обучения временами складывался нелегко для русских мастеровых. Например, ученики иностранного мастера Абрама Алтена, работавшего на Златоустовском заводе в 1809 г., устав от своевольства и дерзости иностранца, просили определить их в другую мастерскую. Они заявляли, что А. Алтен «сделанное ими в точность приказания его, приходя, разламывает все до основания и так и приказывает устроить, но каким образом сделать надлежит, по неуказанию они поправить на вкус его не могут, о чем неоднократно через переводчика его требуя к лучшему устройению нотации... [ничего] не получали, а только одно приказание, что-де <...> лучше исправить должно» [Архив ЗГО, ф. И-19, оп. 1, д. 4, л. 5–6]. Заводская контора неоднократно обращалась с просьбой к А. Алтену дать ученикам более четкие разъяснения, иначе их работа приносила постоянный убыток. Но и начальство не смогло ничего добиться от иностранца, из чего был сделан вывод о том, что сам А. Алтен не знает толком своего мастерства [Там же, л. 6 об.].

Упомянутый Абрам Алтен являлся примером высокомерия и дерзости, проявляемой порой иностранцами по отношению к русским людям, которые, в свою очередь, «бережно и заботливо» относились к приглашенным европейцам. Абрам Алтен был неоднократно замечен «во многих <...> непристойных дерзких и буйственных поступках» еще с момента следования его на Урал [Там же, л. 3]. В 1809 г. Алтен заключил контракт с заводовладельцем А. Кнауфом. С самого выезда из Москвы иностранец находился в пьяном виде, а во время простоя при смене лошадей чуть не застрелил сопровождавшего его служащего Златоустовского завода Крутицкого, который всю дорогу терпеливо сносил бесчинства Алтена и лишь старался ему во всем угодить. Чудом не пострадавший и

натерпевшийся оскорблений от А. Алтена Крутицкий тем не менее во время их совместного путешествия демонстрировал заботу и почтительное отношение к иностранному мастеру [Архив ЗГО, ф. И-19, оп. 1, д. 4, л. 3–4 об.].

Возвращаясь к теме обучения, отметим, что бывали случаи, когда западно-европейцы очень неохотно посвящали русских учеников в секреты своего мастерства. Например, немецкие мастера Вильгельм и Людвиг Шафы, положившие начало златоустовской школе холодного украшенного оружия, долгое время обучали своих подопечных только внешней стороне работы, но не открывали главной тайны своего искусства, а именно способа приготовления смеси, без которой невозможно золочение и серебрение оружия. В 1817 г. министр финансов призвал Шафов открыть секрет, уверяя, что после этого мастера не только не лишатся своих мест, чего они, по его мнению, опасались, но и получат награды и пенсии. Но немцы согласились лишь на таком условии, что изложат рецепт на бумаге и оставят его в оружейной конторе, когда будут покидать фабрику [см.: Боков, с. 249]. В оценке этого эпизода следует согласиться с утверждением В. А. Ляпина о том, что Шафы являлись, по сути, ремесленниками, а каждый ремесленник всегда тщательно оберегает секрет своего мастерства [Ляпин, с. 263]. С другой стороны, как отмечает историк, Шафы были хорошими учителями, в том числе и с точки зрения отношения к своим ученикам: они заботились о том, чтобы их ученики «по сравнению с другими мастеровыми были поставлены в лучшие условия. Они были избавлены от телесных наказаний, носили добротное европейское платье, получали бесплатно дрова, свечи и сено для домашнего скота. Жалование их превосходило жалование других мастеровых» [Там же, с. 264].

Английский корабельный архитектор Джеймс Карр и его помощники И. Женингс, В. Ли и Р. Жаксон не особенно приветствовали практику присутствия при их работе русских специалистов, желавших обучиться проектированию и строительству железных пароходов. Русский горный инженер капитан Якоби, который, кроме всего прочего, обучался пароходостроению в Англии, указал на то, что, находясь на уральских заводах, хотя и должен был учиться мастерству у команды Дж. Карра, встречал в этом затруднения. Причина состояла в том, что визиты его на производство судов на Воткинском заводе были эпизодичны, так как он старался избежать «неприятностей со стороны судостроителей, происходивших иногда по причине слишком частых, по их мнениям, моих [Якоби] посещений». Поэтому Якоби сумел освоить только те нюансы, которые отличались от технологии строительства деревянных судов. Но благодаря обучению в Англии капитан Якоби подтвердил, что считает себя способным к «удовлетворительному строительству железных пароходов», т. е. может руководить постройкой судов по поданным чертежам. Способность к работам под его руководством подтвердили два других горных инженера [ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 6610, л. 10–13, 16].

Несмотря на сложности, возникавшие в процессе обучения и совместной работы западноевропейцев и русских мастеровых, иностранцы выполняли условия контрактов, обязывавшие их осуществлять подготовку учеников. Некоторым европейским специалистам за время службы удавалось передать свое мас-

терство десяткам работников. Например, ведомости Ижевского завода свидетельствуют, что к 1815 г. Иоганн Долквист, «задельщик замочно-отдельного мастерства», обучил 17 русских мастеровых, Петр Роде, «задельщик ложевого мастерства», — 12 человек [ЦГАУР, ф. 212, оп. 1, д. 407, л. 34, 53]. Датчанин Дидрих Расмусен, штыковой отделочный мастер, за 3 года службы (с 1818 по 1821) сумел передать свое искусство 23 русским ученикам, хотя, согласно контракту, обязан был обучить всего двух человек. Мастер Давид Петерсон, приехавший на Урал в 1808 г., к 1821 г. подготовил 52 работника [Там же, ф. 4, оп. 1, д. 75, л. 16, 20, 117].

Надо заметить, что в отношении местного населения к иностранным мастерам присутствовала некоторая враждебность, возникавшая в ответ на высокомерие и презрительность европейцев. Иногда иностранцы жаловались даже на неуважение к ним со стороны представителей заводских администраций. Например, обергиттенфервальтер немец Клейнер в письме А. Эверсману в августе 1813 г. сетовал на грубое обхождение с ним заводской конторы. Александр Эверсман в своем донесении директору Департамента горных и соляных дел от 12 августа 1813 г. писал по этому поводу: «Я усмотрел <...> из сего единственного в своем роде конторского повеления (данному обер-гиттенфервалтеру Клейнеру об опытах Оберкотте), что Контора, обращая речь свою к сему способному чиновнику, позволяет себе выражение “ты”. На каковое обхождение он жалуется мне в письме своем. Г-н Клейнер совершенно прав, приводя сие обстоятельство яко новое доказательство обид, каковыя немцы там сносить должны» [РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 64, л. 5]. Далее А. Эверсман выражает негодование по поводу грубостей, проявленных по отношению к Клейнеру в конторском повелении, отмечая, что «столь унижительная для иностранца речь» и «упущение вежливости сообразны со всем остальным обхождением» с немцами [Там же, л. 5 об.].

На казенных заводах в целом отношении администрации к приглашенным правительством иностранцам характеризовалось достаточным уважением и обходительностью, в то время как на частновладельческих предприятиях многое зависело от личных взаимоотношений. Так, например, у французского профессора Клода Иосифа Ферри не сложились отношения с директором Нижнетагильских заводов Михаилом Даниловым, а как следствие, все пребывание на Урале стало для Ферри тяжелым испытанием. Перед отъездом из России французский профессор писал в контору Н. Н. Демидова с просьбой выдать ему оставшееся жалованье и свидетельство о проведенных им на Урале работах. Измученный событиями, связанными с его увольнением (преждевременное расторжение контракта, невыплата жалованья), Ферри в письме Конторе заявил: «Я намереваюсь спросить у господина Демидова, чтобы он приказал освидетельствовать, сколько будет можно, предпринятые мною в Его заводах работы; несмотря на отдаленность места, и ни на что показывающее такое освидетельствование невозможным, однако оно не есть таковое, и если я сего не получу, то признаю себя вправе располагать, как думаю должен сделать, моими мыслями и примечаниями и не буду колебаться оные публиковать, представлю их моим соотечественникам и российскому правительству: мне не мудрено будет, после

столь жестокого испытания, что я приобрел такую высокою ценою, занять публику, артистов и тех, кто их употребляет, некоторыми предметами, заслуживающими внимания» [РГАДА, ф. 1267, оп. 7, д. 887, л. 22 об.].

В фондах златоустовской Управы благочиния и Оружейной конторы сохранились дела, свидетельствующие о возникавших конфликтах между немцами и русскими [см.: Архив ЗГО, ф. И-24, оп. 1, д. 809; ф. И-28, оп. 7, д. 8; оп. 14, д. 14; оп. 10, д. 7]. Так, например, в 1838 г. произошла ссора между иностранцем Данилой Оберкотте и русским мастером Яковом Саламатиным. Вследствие простоя колотушечных молотков в цехе рафинирования на Златоустовской оружейной фабрике 14 марта 1838 г. местное начальство распорядилось, чтобы Я. Саламатин определил «на молоток иностранного мастера Данилы Оберкотте, который без всякого действия с 17-го Генваря настоящего года» одного из своих подмастерьев и трех работников. Они проработали до полудня, а в обед, встретив Д. Оберкотте с его сыном Василием, Яков Саламатин отдал ему почтение, сказав: «Здравствуйте, Данила Иванович!», на что в ответ иностранец яростно заявил, что Саламатин — «вор, разбойник, и сверх того ругал всякими неблагопристойными матерными словами, и подходя к Саламатину, сын Оберкотте Василий, толкал несколько раз Саламатина своим плечом...» [Там же, ф. И-24, оп. 1, д. 809, л. 24—24 об.]. Но отец что-то сказал Василию по-немецки и тот отошел. Однако тут же «приступил сам Оберкотте к Саламатину и схватя его обеими руками за бороду, которой и вырвал целую горсть и бросивши на пол; Саламатин на сие сказал ему, что я буду на тебя жаловаться господину помощнику директора майору Ахматову, Оберкотте же за сии слова еще его Саламатина оборотил и ткнув кулаком в шею» [Там же, л. 25]. После этого Яков Саламатин, «вырыва же бороды в иступе не чувствуя», пошел одеваться в чулан, намереваясь идти жаловаться начальству. Вслед за ним пошел его работник Антон Захаров, принес поднятый клоч бороды и отдал Саламатину со словами «вот это, мастер, твоя борода, вырванная Оберкоттом, принадлежит тебе» [Там же, л. 25 об.]. Яков Саламатин принес жалобу помощнику директора майору Ахматову, а тем временем Данила Оберкотте, «отобрав от чугунных рогов рукава, запер их в свой чулан и запечатав своею печатью и ушел вместе со своим сыном домой». В результате работа молота была остановлена из-за того, что иностранец отказывался вернуть для него приспособление. Четыре человека не работали, ожидая, пока Оберкотте отдаст рукава. Несмотря на неоднократные приказы начальства, только на следующий день иностранец открыл чулан, отдал рукава, и работа молота была возобновлена [Там же, л. 26]. Дело было рассмотрено в Немецком суде, опрошены все русские работники, которые подтвердили «бесчинства Оберкотте». Иностранному мастеру был назначен денежный штраф за неповиновение начальству, Якову Саламатину он должен был принести устные извинения. Вероятно, у иностранца были веские причины подобного поведения, но установить, кто же на самом деле виноват в произошедшем конфликте, не представляется возможным, как и во многих других случаях, отраженных в источниках.

Данные златоустовской Управы благочиния за 1812 и 1813 гг. свидетельствуют о неоднократных случаях нанесения иностранцами заводским мастера-

вым людям обид и побоев. Так, Готтлиб Янсен «за удары по щекам надзирателя Емельяна Миронова и мастерового Филиппа Мелькова был выдержан на хлебе и воде дважды по одним суткам». Францу Лорху было сделано словесное замечание за «битье им водовоза Дементья Улатова и ругательство надзирателя Григория Шадрина» [Архив ЗГО, ф. И-19, оп. 1, д. 4, л. 267—267 об.].

Кстати сказать, одной из целей созданного в 1821 г. по просьбе иностранных оружейников Златоустовской фабрики Немецкого клуба было избежание постоянно вспыхивающих конфликтов, ссор и драк в русских питейных домах. Кроме того, немецкие мастера Златоуста, представлявшие собой сплоченное сообщество, стремились обособиться от местного населения, в том числе в нерабочее время. Они попросили заводское начальство разрешить им учреждение Немецкого клуба, где бы они смогли собираться и культурно проводить досуг. В Немецком клубе организовывали танцы, играли на бильярде и в карты. По воскресеньям и четвергам здесь устраивались танцы под струнный оркестр. Определенный процент от доходов Немецкого клуба шел во вдовью и сиротскую кассы, основанные иностранными мастерами. В клуб разрешалось водить детей старше шести лет. При клубе существовала библиотека, организованная еще в 1817 г. На берегу заводского пруда было выстроено летнее помещение клуба в виде большого одноэтажного здания с террасами. Это место называли Фрейденталем, т. е. Долиной радости (Долиной удовольствий). Клуб просуществовал более 50 лет. В 1880-х гг. он объединился с Русским общественным собранием [см.: Боков, с. 606—607].

В Златоусте существовали формы общественной организации иностранных мастеров. Там было образовано так называемое Общество иностранцев, а в 1830-е гг. действовало Общество молодых иностранных мастеров, состоявшее из детей немецких оружейников [ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 8, л. 26]. Возглавляли эти общества выбранные иностранцами представители, которые исполняли свои общественные обязанности бесплатно. Общество иностранцев занималось вопросами социальной поддержки немецких мастеров, избирало членов Немецкого суда [РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 146, л. 33]. Представители обществ выступали в качестве делегатов от лица всех иностранных мастеров, излагая просьбы, жалобы и пожелания заводскому начальству и императору. Общество молодых иностранных мастеров отстаивало права детей иностранцев на льготы, привилегии и зарплаты, равные тем, коих были удостоены их отцы по приезду на Урал из Германии [ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 135, л. 21].

Немецкие оружейники были склонны, кроме того, к бесконечным жалобам и тяжбам. В Положении о Немецком суде Златоустовской оружейной фабрики 1820 г. это прямо отмечено, а потому в документе сделано следующее примечание: «Иностранцам, для коих настоящий суд учреждается, поставляется на вид, во-первых: что судебные места для того токмо учреждаются, чтобы оберегать всякого от истинных обид и оказывать защиту тому, кто такую обиду действительно претерпел, а не для того, чтобы угождать страсти к ссорам и тяжбам беспокойных людей доставлением им занятия, для них может быть и забавного, но ненавистного для всякого благомыслящего человека, в одном спокойствии и согласии удовольствие находящего; во-вторых: что благоразумный и

миролюбивый человек крайне редко может <...> быть поставлен в необходимость приходить в Суд с жалобами; ибо важные обиды встречает он редко, а малые сносит и прощает охотно, и, наконец, в-третьих: что по сему частые суду приносимые жалобы наводят сомнение на добрую нравственность жалующегося. Посему таких людей, кои часто-временно будут затруднять суд пустыми жалобами о маловажных предметах, суд не преминет публиковать как беспоконных сочленов общества; итак, кто дорожит своим добрым именем, остерегайся часто жаловаться и тогда только приходи в суд с жалобой, если <...> претерпел истинную обиду, которой снести нельзя или трудно. Впрочем, сие никого не должно удерживать заявлять Суду, если он узнает, что кто-либо делами или словами вредит или вредить намерен обществу; ибо в сем случае молчать не следует» [РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 146, л. 34–35].

Несмотря на все сложности процесса адаптации и взаимодействия с местным населением, постепенно происходила интеграция западноевропейских специалистов в уральский социум, причем не только на профессиональном уровне, но и с точки зрения личных и семейных связей. Главным образом это осуществлялось через заключение браков иностранцев с русскими женщинами. Безусловно, одни европейцы приезжали на Урал уже женатыми, другие не задерживались здесь дольше, чем на срок контракта, а потому не обзаводились семьями. Но у многих иностранцев, кто оседал на Урале, или у их детей, приехавших вместе с ними в Россию, были русские жены. До 1833 г. заключение браков с иностранцами регламентировалось несколькими Указами: 1721, 1735 и 1743 гг. Суть их состояла в том, что если иностранец желает жениться на русской девушке, то он должен подписаться в том, что никогда не будет склонять жену и будущих детей в свою веру, а позволит им придерживаться греко-российского вероисповедания. По императорскому Указу 1743 г. разрешалось иностранцам вступать в браки без принятия подданства. Но по Указу Синода 1735 г. заключение брака было возможно только при условии, что иностранец присягнет на верную службу России. Так, иностранный мастер Федор Грибель, служивший на Камско-Воткинском заводе с 1808 г., лишился жены и остался с двумя малолетними детьми, что побудило его в 38 лет вступить во второй брак. В 1819 г. он женился на вдове пермского губернского секретаря Анне Михайловне Небияевой, урожденной Гречановской. Разрешение на брак было получено в Пермской духовной консистории после того, как Ф. Грибель присягнул на верную службу Российской империи, хотя и не принял подданства, и подписался в том, что не будет склонять жену и детей, если в браке родятся, в лютеранскую веру [ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 1888, л. 1–9]. По закону 1833 г. иностранцы могли жениться на православных россиянках только при условии принятия подданства, за исключением особых случаев, на которые требовалось специальное разрешение Синода [ПСЗ-2, т. 8, № 6406].

О постепенном включении иностранцев в местную социокультурную среду говорят такие проявления их социальной активности, как пожертвования в пользу богоугодных заведений. К примеру, 7 марта 1823 г. австрийский подданный механик Симион Вейн пожертвовал в пользу богадельни пять рублей [ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 2793, л. 1–2].

Таким образом, интеграция западноевропейских специалистов в социокультурное пространство Урала происходила через их профессиональную деятельность, а также семейные и родственные связи. Западноевропейские специалисты входили в состав технической элиты благодаря их исключительной роли в технологическом усовершенствовании производственных процессов на уральских заводах, ведь иностранцы обладали необходимыми для этого знаниями и навыками и могли не только применить их на практике, но и передать профессиональный опыт русским мастерам. Европейцы занимали ключевые позиции, назначались на руководящие должности, контролировали ход и качество заводских работ. Создаваемое для иностранцев привилегированное положение и высокий уровень жизни подкрепляли их статус технической интеллигенции. Однако самоидентификация западноевропейцев как людей высшего ранга, культурных и образованных по сравнению с местными уральскими мастерами создавала почву для конфликтов и препятствовала социокультурной адаптации иностранцев.

Адаптация западноевропейцев к жизни в российской провинции проходила сложно, сопровождалась конфликтами приезжих специалистов с местным населением. Европейцы стремились к обособлению и закрытости своих диаспор. Но по роду своей профессиональной деятельности они вынуждены были постоянно контактировать с русскими мастерами, представителями заводских администраций. Сообщества иностранцев становились локальными центрами сосредоточения инноваций и отправными точками их распространения. Европейские новшества проникали через технологии, обучение, смешанные браки. Межкультурное взаимодействие постепенно переходило в область повседневности, досуга, неформального общения. В ходе этого процесса шло и обрусение иностранцев. Закрытость европейских диаспор оказалась относительной. Таким образом, само пребывание иностранных специалистов на уральских заводах, их жизнь и деятельность создавали условия для диффузии европейских инноваций как в сфере технологий, так и в социокультурном плане, и этот процесс шел независимо от желания контактеров.

Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.) М., 2007. 368 с. [Alekseeva E. V. Duffuziya evropejskikh innovatsij v Rossii (XVIII — nachalo XX v.) M., 2007. 368 s.]

Архив ЗГО. Ф. И-19, И-24, И-28. [Arkhiv ZGO. F. I-19, I-24, I-28.]

Боков В. Немецкие оружейники на Златоустовском заводе // Журн. Императ. Рус. военно-ист. о-ва. СПб., 1913. № 5—12. [Bokov V. Nemetskie oruzhiejniki na Zlatoustovskom zavode // Zhurn. Imperat. Rus. voenno-ist. o-va. SPb., 1913. № 5—12.]

Бондаренко Ф. В., Микитюк В. П., Шкерин В. А. Британские механики и предприниматели на Урале в XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2009. 86 с. [Bondarenko F. V., Mikityuk V. P., Shkerin V. A. Britanskije mekhaniki i predprinimateli na Urале v XIX — nachale XX v. Yekaterinburg, 2009. 86 s.]

Бурмакин А. С. Исторические данные по введению изготовления холодного оружия на Златоустовской оружейной фабрике немецкими мастерами // Горный журнал. 1912. Т. 4. С. 240—267. [Burmakin A. S. Istoricheskie dannye po vvedeniyu izgotovleniya kholodnogo oruzhiya

na Zlatoustovskoj oruzhejnoj fabrike nemetskimi masterami // Gornyj zhurnal. 1912. T. 4. S. 240–267.]

ГАСО. Ф. 43. [GASO. F. 43.]

Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Е. В. Алексеева. Екатеринбург, 2011. 405 с. [Diffuziya tekhnologij, sotsial'nykh institutov i kulturnykh tsennostej na Urale (XVIII – nachalo XX v.) / отв. red. E. V. Alekseeva. Yekaterinburg, 2011. 405 s.]

Куликовских С. Н. Златоустовская школа авторского холодного украшенного оружия. Становление и развитие (1815–1860 гг.) Челябинск, 2006. 241 с. [Kulikovskikh S. N. Zlatoustovskaya shkola avtorskogo kholodnogo ukrashennogo oruzhiya. Stanovlenie i razvitie (1815–1860 gg.) Chelyabinsk, 2006. 241 s.]

Ляпин В. А. «Уголок Германии, перенесенный в Уральские горы» // Диффузия европейских инноваций в Российской империи : материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. Е. В. Алексеева. Екатеринбург, 2009. С. 262–266. [Lyapin V. A. “Ugolok Germanii, perenesennyj v Ural'skie gory” // Duffuziya evropejskikh innovatsij v Rossijskoj imperii : materialy Vseros. nauch. konf. / отв. red. E. V. Alekseeva. Yekaterinburg, 2009. S. 262–266.]

Немцы на Урале XVII–XXI вв. / В. М. Кириллов, Л. А. Дашкевич, Н. С. Корепанов и др. Н. Тагил, 2009. 596 с. [Nemtsy na Urale XVII–XXI vv. / V. M. Kirillov, L. A. Dashkevich, N. S. Korepanov i dr. N. Tagil, 2009. 596 s.]

ПСЗ. Собр. 2 [ПСЗ-2]. Т. 8, № 6406. [PSZ. Sobr. 2. [PSZ-2]. T. 8, № 6406.]

Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур, 1700–1950 гг. : докл. участников Междунар. науч. конф. Т. 1. / под. ред. С. В. Устьянцева, Е. В. Логунова, И. Г. Семенова. Екатеринбург, 1996. 226 с. [Rossiya i Zapadnaya Evropa: vzaimodejstvie industrial'nykh kultur, 1700–1950 gg. : dokl. uchastnikov Mezhdunar. nauch. konf. T. 1. / pod red. S. V. Ust'antseva, E. V. Logunova, I. G. Semenova. Yekaterinburg, 1996. 226 s.]

РГАДА. Ф. 1267. [RGADA. F. 1267.]

РГИА. Ф. 37. [RGIA. F. 37.]

Устьянцев С. В. Английский технологический опыт и уральские горные заводы XIX в. Екатеринбург, 1992. 127 с. [Ust'antsev S. V. Anglijskij tekhnologicheskij opyt i ural'skie gornye zavody XIX v. Yekaterinburg, 1992. 127 s.]

ЦГА УР. Ф. 4, 212. [TSGA UR. F. 4, 212.]

Статья поступила в редакцию 27.05.2013 г.